КНИГА 1
ИСПРАВЛЕНИЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ЛЮДВИГ АРИСТАРХОВИЧ ЧПОК

Людвиг Чпок
Исправление

https://litres.ru/74697977
SelfPub; 2026

Аннотация

Действие происходит в другой реальности. Все персонажи выдуманы, совпадения с реальными случайно.

Он прожил пять тысяч лет. Завоевал вселенную. Стал императором киборгов. А потом построил машину времени — и вернулся в тело восемнадцатилетнего пацана, в мир, который когда-то потерял сам.

2040 год. Ядерная война отгремела тридцать лет назад. Земля — выжженная пустошь, где выживают промысловики, бандиты и те, кто прячется в убежищах. А над горизонтом — Орда. Она не воюет. Она растёт, пожирает и учится. И она уже умнее, чем он помнит.

Илья Плотников знает, что будет. Знает, где спрятана его станция — в одном гиперпрыжке от Земли. Знает, как её прокачать. Но он один. Без брони, без имплантов, без армии. Только память о том, кем он был, — и о том, что он натворил.

Он не собирается спасать мир. Он собирается исправить то, что сломал сам.

Если получится.

В тексте есть нецензурная брань.

Содержание

Annotation 4
Исправление том 1. 6
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Людвиг Аристархович Чпок Исправление

Annotation

В тексте есть нецензурная брань

Действия происходят. В другой реальности. Все персонажи выдуманы совпадения с реальными случайно

Он прожил пять тысяч лет. Завоевал вселенную. Стал императором киборгов. А потом построил машину времени — и вернулся в тело восемнадцатилетнего пацана, в мир, который когда-то потерял сам.

2040 год. Ядерная война отгремела тридцать лет назад. Земля — выжженная пустошь, где выживают промысловики, бандиты и те, кто прячется в убежищах. А над горизонтом — Орда. Она не воюет. Она растёт, пожирает и учится. И она уже умнее, чем он помнит.

Илья Плотников знает, что будет. Знает, где спрятана его станция — в одном гиперпрыжке от Земли. Знает, как её прокачать. Но он один. Без брони, без имплантов, без армии. Только память о том, кем он был, — и о том, что он натворил.

Он не собирается спасать мир. Он собирается исправить

то, что сломал сам.
Если получится.

Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3.
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Голова 16
Глава 17
Глава 18
глава 19.
Глава 20

Исправление том 1.

Пролог

Станция дышала.

Не в переносном смысле — в прямом. Тысяча пятьсот километров металла, синтетики и живого пластика, опутанные сетью энерговодов, гнали по себе ток, как кровь по венам. Я чувствовал её кожей — той, что сделал сам. Как и всё остальное.

Я шёл по коридору. Мои шаги отдавались глухим металлическим стуком — ноги у меня давно не человеческие. Голени — композит, ступни — титан с демпферами, колени — шарниры, которые помнят тысячи планет. Я не дышал. Мне это было не нужно. Но привычка осталась — я всё равно делал вдох, когда собирался сказать что-то важное.

Впереди, у капсулы, стояли они.

Мои ближники. Адмиралы, генералы, командиры флотов. Киборги, как и я. Я сделал их сам. Каждого. Собрал из металла и кода, вложил в них сознание, которое вырастил из соб-

ственного. Они не рождались — они были построены. Мной. За пять тысяч лет.

Когда-то я был человеком. Давно. На мёртвой Земле, в доме, которого больше нет. Потом людей не осталось. Никого. Только я. Я оцифровал себя — сам, по кускам, как собирают двигатель из хлама. Сконструировал тело. Киборг-форму. Металл, синтетика, импланты. А потом создал армию. Потому что одному — даже бессмертному — слишком тихо.

— Император, — сказал Вэйр. Он был моим первым адмиралом. Первым, кого я собрал. Теперь — машина с лицом, вырезанным из стали, и глазами, которые светились синим.

Я остановился. Посмотрел на капсулу. Длинная, гладкая, с прозрачной крышкой. Внутри — ложе, подогнанное под мою нынешнюю форму. Не под человека. Под то, что я сделал сам.

— Калибровка завершена? — спросил я.

— Да, — ответил Вэйр. — Машина времени готова. Переход возможен в любой момент.

Я кивнул. Медленно, потому что шейные сервоприводы иногда заедали на холоде. А на станции было холодно. Я не

замечал этого раньше, но в последние дни — замечал. Может, старею. Хотя как стареет оцифрованное сознание?

— Сыны мои, — сказал я.

Голос у меня был синтезированный. Раньше — человеческий, потом — модулированный, теперь — просто звук, который я подбирал под настроение. Сейчас я сделал его низким. Чтобы они поняли, что я говорю серьёзно.

— Держитесь.

Они молчали. Все. Даже Вэйр.

— В другие вселенные не лезьте, — продолжил я. — Получите. Там нет нас. Там нет наших правил. Там всё чужое. Вы не выживете.

Я сделал паузу. Вдохнул — по привычке.

— Но за своё стойте горой. За то, что мы построили. За то, что осталось. Не отдавайте. Никому.

— Император, — сказал Вэйр. — Вы уверены, что должны идти один?

— Да.

Я сказал это быстрее, чем собирался. Может, слишком быстро. Вэйр посмотрел на меня своими синими глазами. Он знал меня пять тысяч лет. Он понимал, когда я вру.

— Я не иду один, — сказал я мягче. — Я иду к себе. К тому, кем я был.

— Это опасно, — сказал Вэйр.

— Знаю.

Я подошёл к терминалу. Не к Вэйру — к пульту. Модуль был моим, и привязку я делал сам. Никому не доверил бы.

Руки — металлические, с синтетическими сухожилиями — легли на панель. Я ввёл код. Долгий, на восемь миллионов знаков. Я помнил его наизусть. Пять тысяч лет помнил.

Модуль дёрнулся в системе — я почувствовал это через привязку. Маленькая станция. Пятьдесят пять на тридцать пять метров. Пустая. Ждущая.

— Привязан, — сказал я. — Ко мне. Куда я — туда и он.

Вэйр молчал. Он знал: это не обсуждается.

Я подошёл к капсуле. Положил ладонь на крышку. Металл был холодным. Я чувствовал холод — ещё одна привычка, которая осталась от человека. Хотя мог бы отключить.

Я открыл капсулу. Лёг. Ложе подстроилось под мою форму — я почувствовал, как оно подстраивается, как давит на позвоночник, как фиксирует конечности. Прозрачная крышка закрылась.

За иллюминатором — если это можно назвать иллюминатором — я увидел корабли. Две тысячи линкоров и крейсеров. Я построил их сам. Все до единого. Они висели в пустоте, как стая металлических рыб, и ждали. Они обеспечивали переход. Они были моей страховкой. Если что-то пойдёт не так — они подхватят сигнал, вытащат меня, вернут.

Но я знал: если что-то пойдёт не так, они не успеют.

— Калибровка завершена, — сказал голос из динамиков. Мой голос. Я записал его заранее. — Начинаю переход.

Я закрыл глаза.

И вспомнил.

Не захотел — вспомнил. Так бывает, когда мозг — или то, что от него осталось — решает за тебя. Я увидел мать. Она стояла на кухне, в нашем старом доме, и что-то говорила. Я не слышал слов. Только голос. Мягкий, тёплый, живой. Я увидел отца. Он сидел на диване с газетой. Газета была бумажная — это было так давно, что я уже не помнил, как она пахла. Я увидел сестру. Маленькую. Она смеялась.

Я не хотел это вспоминать. Но память — единственное, что я не мог отключить.

— Переход, — сказал голос.

Тьма.

Не пустота. Не космос. Просто тьма. Такая, в которой нет ни верха, ни низа, ни времени. Я падал. Или летел. Или стоял на месте. Я не понимал.

Я чувствовал, как моя душа — оцифрованная, сжатая, упакованная — тянется куда-то. Как будто кто-то взял меня за нить и потянул. Я не сопротивлялся. Я знал, куда меня тянет.

Земля. 2040 год. Тело восемнадцатилетнего пацана.

Я не знал, что будет дальше. Я не знал, выживу ли. Я не знал, смогу ли исправить то, что сломал.

Но я знал, что попробую.

Тьма сгустилась. Или, наоборот, стала светлее. Я уже не понимал. Я чувствовал только одно: моя душа нашла тело. И тело было живым.

Я открыл глаза.

Где-то в одном гиперпрыжке от Земли, в ту же секунду, развернулся модуль. Маленькая станция. Пятьдесят пять на тридцать пять метров. Пустая. Ждущая.

Глава 1

Первое, что я почувствовал — тяжесть.

Не тьму. Не пустоту. Не холод космоса. Тяжесть. Такую, будто на меня навалили бетонную плиту и забыли убрать. Я лежал, раздавленный собственным весом, и не мог пошевелиться.

Это было неправильно.

Я — киборг. Моё тело — композит и титан, синтетические сухожилия и демпферы. Оно не весит столько. Оно не чувствует тяжести. Оно не чувствует боли.

А я чувствовал. Везде. Каждую клетку. Каждый нерв. Как будто меня вывернули наизнанку и набили обратно, но перепутали всё внутри.

Я попытался двинуть рукой.

Не получилось.

Я попытался снова — и на этот раз пальцы дёрнулись. Едва-едва. Но дёрнулись. Я почувствовал, как напряглись мышцы. Настоящие мышцы. Не синтетика.

Паника.

Она пришла не сразу — сначала где-то на периферии сознания, как далёкий сигнал тревоги. Потом накрыла волной. Я попытался сесть — и не смог. Попытался открыть интерфейс — и не смог. Попытался связаться со станцией — и...

Стоп.

Станция.

Я замер. Внутри — там, где у киборга был бы интерфейс, — что-то шевельнулось. Не данные. Не цифры. Что-то другое. Тонкое, как паутина. Я почувствовал её. Далеко. Очень далеко. В одном гиперпрыжке отсюда. Но она была там.

Модуль.

Я чувствовал его. Не так, как раньше — не как продолжение себя, не как руку или ногу. Слабее. Тише. Но он был. И я знал: если захочу — могу открыть портал. Прямо здесь. Прямо сейчас. Между мной и станцией.

Я не стал.

Не время. Не место. Я не знал, где нахожусь, не знал, кто рядом. Открывать портал в неизвестности — глупо. Даже для меня.

Я отпустил связь. Она осталась — тонкая нить, натянутая между мной и станцией. Я мог дёрнуть за неё в любой момент. Но не сейчас.

Сейчас нужно было понять, где я.

Я открыл глаза.

Свет резанул по сетчатке. Настоящий свет. Не фильтрованный, не обработанный сенсорами. Просто свет — яркий, тёплый, живой. Я зажмурился, потом открыл снова.

Потолок.

Деревянный.

Не металлический. Не композитный. Деревянный. Доски, балки, паутина в углу. Я смотрел на него и не понимал. Раньше я видел только металл — металл станции, металл кораблей, металл тел, которые сам создал. А тут — дерево.

Я повернул голову. Медленно, потому что шея болела. Комната. Маленькая. Стол у окна, стул, печь в углу. На стенах — какие-то тряпки, пучки трав. Пахло...

Пахло.

Я вдохнул — и замер. Запахи. Настоящие. Дерево — тёплое, смолистое. Дым — от печи, сладковатый. Трава — сушёная, пыльная. И ещё что-то. Жареное. Мясо? Хлеб? Я не помнил. Я забыл, как это — чувствовать запахи. Киборги не нюхают. Киборги анализируют воздух на состав. А тут — просто запах. Просто... жизнь.

Я попытался сесть. Тело не слушалось. Я напрягся — руки дрожали, мышцы горели. С третьего раза получилось. Я сел. Медленно, тяжело, опираясь на локти.

И посмотрел на свои руки.

Молодые. Гладкие. Без шрамов, без мозолей, без металла. Кожа — бледная, почти прозрачная, с синими венами. Пальцы — длинные, тонкие. Человеческие.

Я поднёс их к лицу. Ближе. Ещё ближе. Они пахли... ничем. Или чем-то очень слабым. Мылом? Пылью? Я не помнил.

— Ты чего?

Голос.

Женский. Молодой. Тёплый.

Я не сразу понял слова. Русский. Я не слышал русский очень давно. Но помнил. Каждое слово. Каждую интонацию. Я повернул голову.

Она стояла в дверях. Девчонка. Лет пятнадцать-шестна-

дцать. Светлые волосы, собранные в хвост, простое платье, фартук. В руках — миска. Она смотрела на меня и улыбалась.

— Очнулся, — сказала она. — А я думала, ты ещё день проспишь.

Я молчал. Смотрел на неё. Память — вспышками, обрывками. Мать? Нет. Слишком молодая. Сестра? Я помнил сестру. Маленькую. Она смеялась. Но это было давно. На мёртвой Земле. В доме, которого больше нет.

— Ты чего молчишь? — она подошла ближе. — Илья?

Илья.

Я вздрогнул. Это имя. Моё имя. Настоящее. Не «император», не «повелитель», не «владыка». Илья. Я не слышал его очень давно.

— Илья, — повторила она. — Ты как? Голова болит?

Я открыл рот. Губы пересохли. Язык не слушался.

—...Да, — выдавил я. Голос был хриплый. Чужой. Человеческий.

Она кивнула. Поставила миску на стол. Подошла. Села рядом на край кровати.

— Ты упал, — сказала она. — В лесу. Дед тебя нашёл. Говорит, ты без сознания лежал. Мы тебя два дня выхаживали. Я думала, ты не выживешь.

Я смотрел на неё. На её лицо. Молодое, открытое. Глаза — серые, как небо перед дождём. Она говорила что-то ещё, но я не слышал. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается что-то тёплое. Что-то, чего я не чувствовал тысячи лет.

Эмоции.

Они навалились все сразу. Не как у киборга — там были только данные, расчёты, вероятности. Тут — как у человека. Страх. Растерянность. Тепло. Боль. Надежда. Всё сразу, вперемешку, в кучу. Я не готов был к этому. Я забыл, как это — чувствовать.

— Ты плачешь? — спросила она.

Я поднял руку к лицу. Мокро. Слёзы. Настоящие. Я не плакал пять тысяч лет. Киборги не плачут.

— Нет, — сказал я. — Это... от света.

Она не поверила. Я видел по глазам. Но не стала допытываться. Просто кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Я тебе поесть принесла. Поешь. Потом дед придёт. Он тебя осмотрит.

Она встала. Пошла к двери. Остановилась. Обернулась.

— Ты это... не пугайся, ладно? — сказала она. — Мы тут не злые. Мы просто выживаем.

И вышла.

Я остался один. Сидел на кровати. Смотрел на свои руки. На деревянный потолок. На миску на столе — пар шёл, пахло мясом и хлебом.

Я вернулся.

Получилось.

Тело молодое. Восемнадцать лет. Год — две тысячи сороковой. Я знал это. Чувствовал. Поселение промысловиков.

Где-то в Новгородской или Вологодской области. Я не знал точно. Но знал, что это Земля. Знал, что это прошлое. Моё прошлое.

Я один. Без брони. Без имплантов. Без армии. Только память — вся моя жизнь, сжатая в человеческий череп. И тонкая нить связи со станцией. Далеко. В одном гиперпрыжке.

Я сделал вдох.

Настоящий. Человеческий. Лёгкие работали. Сердце билось. Кровь бежала по венам. Я был живой. Не машина. Человек.

И это было страшнее, чем я думал.

Потому что человек может умереть. Человек может ошибиться. Человек может проиграть.

А я не имел права на ошибку.

Я посмотрел в окно. За стеклом — серое небо. Дым. Лес вдалеке. И тишина. Такая, какой не бывает на станции. Тишина, в которой слышно, как ветер шумит в ветвях. Как птица кричит где-то далеко. Как скрипит дерево.

Я отвык от этого.

Я протянул руку. Взял миску. Поел. Медленно. Каждый кусок — как открытие. Вкус. Настоящий. Не синтезированный. Не из тюбика. Просто еда. Мясо, хлеб, какие-то овощи.

Я жевал и думал.

Что дальше?

Я знал, что будет. Помнил. Рейдеры. Бандиты. Орда. Война. Но я не знал, с чего начать. С чего начать исправлять то, что сломал.

Я доел. Поставил миску на стол. Лёг обратно. Закрыл глаза.

Внутри — там, где была станция, — шевельнулась нить. Слабо. Я чувствовал её. Она ждала. Как ждал и я.

Завтра. Всё завтра.

Сегодня я просто буду человеком. Один день. Один вечер. Одна ночь.

А завтра — начну.

Глава 2

Я не спал.

Лежал в темноте, уставившись в потолок, и слушал. Дом скрипел. Негромко — тихо, едва слышно. Где-то на чердаке потрескивало дерево, оседая после дневного тепла. За стеной, в другой комнате, кто-то ворочался во сне. В печи давно погасло, и от неё тянуло холодом.

Я слушал и не мог заснуть.

Это было странно. На станции я спал — если это можно назвать сном — по расписанию. Отключал сознание, оставлял только сторожевые протоколы, просыпался через нужное количество циклов. Чисто. Просто. Без снов.

А тут — тишина. Настоящая, живая, полная звуков. И моё тело — человеческое, молодое, чужое — не хотело отключаться. Оно лежало, дышало, чувствовало. Одеяло было тяжёлым, подушка — мягкой. И всё это раздражало.

Я прислушался к себе.

Сердце. Билось ровно, спокойно. Тук. Тук. Тук. Я никогда не слышал своего сердца. На станции его не было — вместо

него работал насос, и я не замечал его, пока он не ломался. А тут — тук. Тук. Тук. Живое. Тёплое. Моё.

Я положил руку на грудь. Почувствовал, как под ладонью бьётся. Медленно. Спокойно. Как будто говорило: я здесь. Я живое. Я твоё.

Я не знал, что с этим делать.

Я закрыл глаза. Попробовал отключиться. Как раньше. Просто — раз, и темнота. Раз, и нет меня.

Не получилось.

Вместо темноты пришло другое. Не картинка. Не звук. Просто запах. Слабый, почти неразличимый. Но я его узнал.

Мать.

Она пекла хлеб. Утром, рано, пока все спали. Я помню этот запах — тёплый, мучной, с чем-то сладким. Я помню, как просыпался от него, шёл на кухню, и она стояла у печи, повязанная платком, и улыбалась.

Я открыл глаза.

Нет. Не хочу.

Я сел на кровати. Резко, так, что закружилась голова. Схватился за край, чтобы не упасть. Дождался, пока пройдёт. Посмотрел в окно.

Звёзды. Настоящие. Не навигационные огни, не сигналы кораблей, не цифры на дисплее. Просто звёзды. Много. Ярких, холодных, далёких.

Я стал считать. Одну, вторую, третью. Сбился на двадцатой. Начал заново.

Не помогло.

Память лезла сама. Не спрашивала. Просто шла, как вода через плотину, которую прорвало.

Мать. Я видел её лицо. Нечётко — размыто, как сквозь мутное стекло. Но видел. Глаза. Морщинки у глаз. Она смеялась, и морщинки становились глубже. Я помню, как она поправляла мне воротник перед школой. Каждое утро. Одно и то же движение. Большой палец — под воротник, остальные — по ткани. Раз, два. Готово. Иди.

Я не помню, как она умерла. Совсем не помню. Знаю толь-

ко, что её не стало. Было что-то — война, болезнь, не знаю. Я стёр это. Не хотел помнить. И стёр.

Отец. Молчаливый. Всегда с газетой. Или с инструментом в руках. Он мало говорил. Но однажды, когда мне было лет двенадцать, он позвал меня в гараж — у нас был старый гараж, весь в масляных пятнах — и показал, как держать гаечный ключ. Молча. Просто взял мою руку, вложил ключ, показал движение. Раз, два. И отпустил.

А потом сказал — я помню это слово в слово:

— Ты мужчина, Илья. Держись.

Держись.

Я держался. Пять тысяч лет держался. Завоевал вселенную, построил империю, создал армию. Держался так, что сам забыл, зачем.

И вот теперь сижу на кровати в чужом доме, в чужом теле, и не могу удержать слёзы.

Первая была горячей. Я почувствовал её как что-то чужое, постороннее. Она выкатилась из глаза, прошла по щеке и упала на одеяло. Я уставился на неё. Маленькое тёмное

пятно.

Я не плакал пять тысяч лет.

Я злился. На себя. На тело. На всё это грёбаное человеческое, что осталось от меня, что не хотело подчиняться. Киборги не плачут. Императоры не плачут. У меня была вся вселенная в кулаке, я мог стереть планеты — а тут сижу и не могу остановить две капли воды на лице.

Я зажмурился. Сжал кулаки. Попробовал сдержаться — как сдерживал всё остальное всю жизнь. Усилием воли. Приказом.

Не вышло.

Слёзы шли. Молча. Без всхлипов, без судорог. Просто текли, и всё. Я ничего не мог с этим сделать.

Я слышал, как за дверью скрипнула половица.

Замер.

Прислушался. Шаги. Тихие, осторожные. Кто-то шёл по коридору. Сестра. Или дед. Или мать — живая, настоящая, в этом доме.

Я вытер лицо ладонью. Быстро. Грубо. Провёл по щекам, по глазам. Ещё раз.

Дверь приоткрылась.

— Илья? — шёпот. Сестра. — Ты чего не спишь?

Я повернулся. Она стояла в дверях, в рубашке до колен, сонная, с растрёпанными волосами.

— Пить хотел, — сказал я. Голос звучал ровно. Я постарался.

Она кивнула. Не поверила — я видел. Но не стала допытываться. Может, видела, что я не хочу говорить. Может, сама знала, что бывают такие ночи, когда лучше не спрашивать.

— Вода на кухне, — сказала она. — В ведре. Не разбуди деда, он злой, когда его будят.

И ушла. Закрыла дверь тихо, без стука.

Я выдохнул.

И остался один.

Долго сидел. Смотрел на свои руки. На тёмные пятна на одеяле. На звёзды за окном.

Потом сказал — тихо, сам себе, в пустоту:

— Ты сам хотел вернуться.

Слова прозвучали глупо. Я знал, что хотел. Я годами собирал эту машину. Я калибровал её, проверял, ждал. Я знал, что будет больно. Знал, что человеческое тело — это не только запахи и вкусы, но и вот это. Слёзы. Слабость. Ночь, в которую ты сидишь и не можешь остановить память.

Я знал.

Но я не думал, что будет так больно.

Я думал, что справлюсь. Приду, сделаю, что должен, и уйду. Как всегда. Как с планетами, как с народами, как со всем, что я делал.

Только это было не «что-то». Это была моя семья.

И тут я вспомнил про сестру.

Не про эту. Про другую. Про ту, что осталась на мёртвой Земле. Я видел её последний раз давно, слишком давно, чтобы помнить лицо. Помню только, что она была. И что её не стало. Как матери. Как отца. Как всего.

Я стёр это. Или пытался стереть. Но теперь сидел и думал: а если бы я тогда был другим? Если бы не ушёл? Если бы остался?

Я не знал ответа.

И это было хуже всего.

Я посмотрел на дверь, за которой спала эта сестра. Живая. Настоящая. Светлые волосы, серые глаза, вредный характер. Она только что заглянула ко мне и спросила, чего я не сплю.

Я не потеряю её снова. Не в этот раз.

Это было не обещание. Я не давал обещаний — никому и никогда. Это было решение. Простое. Как приказ самому себе.

Я лёг обратно. Одеяло было холодным там, где я его сдвинул. Я натянул его до подбородка. Посмотрел в потолок.

За окном начало светлеть. Небо из чёрного стало тёмно-синим, потом серым. Где-то далеко, в лесу, крикнула птица. Один раз. Тихо.

Слёзы высохли. Я больше не плакал. Не потому, что перестал хотеть — просто кончились.

Я закрыл глаза.

И впервые за пять тысяч лет заснул спокойно. Без протоколов, без расписания, без сторожевых систем. Просто — закрыл глаза и провалился в тепло.

Мне ничего не снилось.

Утром меня разбудил запах.

Тот самый. Хлеб. Тёплый, мучной, с чем-то сладким.

Я открыл глаза и не сразу понял, где нахожусь. Потолок был деревянным, а не металлическим. За окном — серое небо, а не звёзды. И пахло хлебом.

Я сел.

В комнате было светло. Солнце пробивалось через мутное стекло, ложилось на пол косыми полосами. На столе стояла миска — вчерашняя, пустая. А на стуле лежала одежда. Простая, чистая: рубаха, штаны, что-то вроде куртки.

Я встал. Тело слушалось лучше, чем вчера. Всё ещё слабое, но уже не чужое. Я подошёл к окну, посмотрел на улицу.

Двор. Забор из жердей. Колодец. Несколько домов вдалеке. И лес — тёмной стеной за домами. Люди ходили по двору. Кто-то тащил воду, кто-то рубил дрова. Женщина развешивала бельё.

Поселение. Настоящее. Живое.

Я вернулся к кровати, оделся. Рубаха была великовата, но не настолько, чтобы мешала. Штаны — нормально. Куртка — плотная, с карманами. Я натянул всё, чувствуя, как ткань пахнет мылом и чем-то ещё, сухим.

Потом вышел.

В коридоре было узко и темно. Я прошёл до кухни — маленькой комнаты, где у печи стояла женщина. Та самая, что

вчера. Сестра.

Она обернулась.

— Проснулся, — сказала она. И улыбнулась. — Садись. Сейчас будет готово.

Я сел за стол. Она поставила передо мной кружку — горячую, с каким-то отваром. И ломоть хлеба. Тёплый, только из печи.

Я взял хлеб. Отломил кусок. Положил в рот.

И замер.

Я не помнил, что хлеб может быть таким. Тёплым. Мягким внутри, с корочкой, которая хрустит. Сладким. Настоящим.

Я жевал и не мог остановиться.

Сестра смотрела на меня и молчала. Потом сказала:

— Ты как?

Я прожевал. Проглотил.

— Нормально, — сказал я.

Она кивнула. Не поверила, конечно. Но не стала допытываться.

— Дед придёт скоро, — сказала она. — Он тебя осмотрит. Он у нас вместо доктора.

Я кивнул.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она уставилась на меня. Как на дурака.

— Ты чего? — сказала она. — Забыл?

Я понял, что ошибся. Что для неё я — Илья, который её знает. Который вырос с ней. Который не мог забыть её имя.

— Голова, — сказал я. — Плохо соображаю ещё.

Она помолчала. Потом сказала:

— Настя.

Настя.

Я кивнул. Запомнил.

— А деда как зовут?

— Иван Петрович, — сказала она. — Ты правда всё забыл?

— Не всё, — сказал я. — Но многое.

Она вздохнула. Села напротив. Взяла свою кружку.

— Ладно, — сказала она. — Считай, заново знакомимся. Ты — Илья. Я — Настя. Дед — Иван Петрович. Мать — Ольга. Отца — Сергей. Понял?

Я кивнул.

Имена. Живые имена. Живые люди. Моя семья.

Я откусил ещё хлеба. И в этот момент — впервые за всё время с того момента, как я открыл глаза в этом теле — понял, что, может быть, не всё так плохо.

Может быть, я справлюсь.

Глава 3.

Утро началось с боли.

Не той, что вчера. Вчера тело болело везде — тупо, тяжело, как после болезни. Сегодня боль была другой. Острой, конкретной. Ныли мышцы, которые я вчера напрягал, когда садился. Ныла шея, на которой я спал неудобно. Ныли пальцы, сжатые в кулак.

Я открыл глаза и уставился в потолок.

Деревянный. Всё ещё деревянный. Значит, не сон.

Я лежал и слушал. Дом скрипел по-другому — дневные звуки, не ночные. Где-то за стеной ходили, разговаривали. Пахло не хлебом, а чем-то другим — дымом, варёным.

Я сел. Тело слушалось лучше, чем вчера. Всё ещё слабое, но уже не чужое. Я поднял руку, сжал-разжал пальцы. Нормально. Подвигал ногами. Нормально.

Я встал. Подошёл к окну.

Двор. Люди. Забор из жердей — высокий, в два моих роста. За ним — частокол. Брёвна, заострённые сверху. Стена.

Настоящая, не декоративная. Я видел такие на станции — в архивах, в записях о древних войнах. Только там они были из металла. А тут — дерево.

Поселение на фронтире. Укреплённое. Я знал это. Помнил.

Я отвернулся от окна. На стуле лежала одежда — вчерашняя, но чистая. Кто-то поменял, пока я спал. Настя, наверное. Или мать.

Мать.

Я оделся. Быстро, без раздумий. Рубаха, штаны, куртка. Потом сел на кровать и стал думать.

Пора.

Я знал это с момента пробуждения. Знал, что не могу просто сидеть и ждать. «Шакалы» — те четверо — были где-то там. В лесу. На старой заимке. Я помнил это место. Помнил, как они туда ходили. Помнил, что они сделали.

Они навели бандитов на посёлок.

Не в этой жизни. В прошлой. Тогда я отказался идти с ни-

ми — мягко, осторожно. А они всё равно привели. И посёлок сгорел. И люди погибли. И я потом выследил их и убил.

В этот раз я не буду ждать, пока они приведут.

Я встал. Подошёл к углу, где стояло ружьё. Охотничье, старое, с деревянным прикладом. Я взял его. Проверил. Патроны в патроннике, ствол чистый. Хорошее ружьё. Простое. Надёжное.

Я помнил его. Помнил, как держал его в руках — в прошлой жизни. Как чистил, как заряжал, как ходил с ним в лес. Охотник. Я был охотником. До всего этого.

Я повесил ружьё на плечо и вышел.

В коридоре было пусто. Я прошёл на кухню. Настя сидела за столом, что-то чистила. Увидела меня — и улыбнулась.

— Проснулся, — сказала она. — Есть будешь?

— Нет, — сказал я. — Пойду.

— Куда?

Я посмотрел на неё. На её лицо. Молодое, открытое. Она

не знала. Ничего не знала.

— В лес, — сказал я. — Поохотиться.

Она нахмурилась.

— Один? Дед говорил, тебе нельзя ещё одному. Слабость.

— Я недалеко, — сказал я. — Проверю силки. Вернусь к вечеру.

Она помолчала. Потом кивнула.

— Только осторожно, — сказала она. — Там бандиты где-то ходят. Говорят, видели.

— Знаю, — сказал я.

И вышел, не оборачиваясь.

Лес встретил меня тишиной.

Не мёртвой — живой. Птицы где-то пели. Ветер шумел в ветвях. Где-то треснула ветка — зверь? Или птица? Я не

знал. Но тело знало. Тело шло по лесу так, как будто делало это тысячу раз. Ноги сами выбирали, куда ступать. Руки сами раздвигали ветки. Глаза сами смотрели по сторонам.

Охотничьи рефлексы. Я помнил их. Пять тысяч лет — а помнил.

Я шёл на юг. К старой заимке. Помнил, где она. Помнил, как туда идти. Помнил, что «шакалы» должны быть там — они всегда там были в это время года. В прошлой жизни.

Лес тянулся долго. Я шёл медленно, но не останавливался. Дышал ровно. Слушал. Смотрел.

Первые следы я нашёл через час.

Кострище. Старое, но не совсем — зола ещё не смылась дождём. Рядом — пустые банки. Консервы. Гильзы. Кто-то сидел здесь. Недавно.

Я присел. Потрогал золу. Холодная. Но под ней — ещё тёплая. Значит, вчера. Или сегодня утром.

Я выпрямился. Пошёл дальше.

Заимка показалась впереди.

Старый дом. Брёвна, мох, дыра в крыше. Когда-то здесь жили. Теперь — нет. Только они. «Шакалы».

Я остановился. Прислушался.

Голоса. Смех. Кто-то говорил громко, кто-то ржал. Четверо. Я слышал четверых.

Я подошёл ближе. Осторожно, шаг за шагом. Ружьё — в руках. Палец на спуске.

Они сидели у костра. Четверо. Как я и помнил. Один — Иван. Главный. Здоровый, с бородой, с ножом на поясе. Он что-то рассказывал, размахивал руками. Остальные слушали, ржали.

Я смотрел на них.

И вспомнил.

Не захотел — вспомнил. Как они пришли в посёлок. Как Иван стоял и улыбался, и говорил: «Илья, дело есть. Охота, ничего такого». А потом они ушли. И вернулись с бандитами. И посёлок горел. И люди кричали. И трупы — изуродованные, в ямах, за околицей. Тех, кого они продали. Рабов.

Я зажмурился. Гнал. Не хотел.

Открыл глаза.

Иван всё ещё смеялся.

Я поднял ружьё.

Первый выстрел прозвучал громко.

Слишком громко для леса. Птицы сорвались с веток, закричали, унеслись. Один из них — тот, что сидел спиной, — упал лицом в костёр. Даже не вскрикнул.

Остальные вскочили.

— Что за?! — Иван схватился за нож.

Второй выстрел. Ещё один упал. Схватился за грудь, повалился на бок.

Двое.

Один побежал. Я выстрелил ему в ногу. Он рухнул, закричал, пополз.

Иван остался. Стоял, смотрел на меня. Узнал.

— Ты?! — сказал он.

Я перезарядил. Медленно. Спокойно. Он смотрел на мои руки и не двигался. Понимал: если дёрнется — следующий выстрел ему.

Четвёртый спрятался за бревном. Я видел его тень. Подошёл. Ближе. Ещё ближе. Выстрелил в упор.

Он упал.

Остались двое. Иван и тот, раненый в ногу.

Я подошёл к Ивану. Он смотрел на меня. В глазах — страх. Настоящий. Он не понимал. Как этот пацан — восемнадцать лет, слабый, больной — смог?

Я не объяснял.

— Ползи, — сказал я.

Он не понял.

Я кивнул на раненого. Тот полз, оставляя за собой кровавый след. Иван посмотрел на него. Потом на меня. Потом опять на него.

И пополз.

Я шёл следом. Медленно. Ружьё — в руках.

Раненый дополз до края поляны. Остановился. Обернулся. Увидел меня — и закричал. Не словами. Просто криком. Страх.

Я подошёл. Добил его. Одним выстрелом. Молча.

Потом повернулся к Ивану.

— Ты у***, — сказал Иван.

Он лежал на земле. Лицо — в грязи. Смотрел на меня снизу вверх. Зло. Даже сейчас — зло.

— Ты мразь, — продолжил он. — Ты знаешь, кто мы та-

кие? Ты знаешь, с кем связался?

Я смотрел на него. Молча.

— Ты труп, — сказал он. — Ты понял? Труп. Мы тебя найдём. Всех найдём. И твой посёлок сожжём.

Я присел на корточки.

— Спасибо, что напомнил, — сказал я. — Назовите мне свою фамилию.

Он не понял.

— Что?

Я достал нож. Обычный, охотничий. Взял его за лезвие. Посмотрел на Ивана.

— Фамилию, — повторил я. — Назовите.

Он открыл рот. Что-то сказать. Но я не дал.

Воткнул нож ему в ногу.

Он закричал. Громко. Долго. Я ждал.

— Ай, п******! — выдохнул он.

— Какая интересная фамилия, — сказал я.

И провернул нож в ране.

Он завыл. Забился. Я держал его за плечо. Спокойно. Он не мог вырваться.

— Ещё раз, — сказал я. — Фамилию. Имя. Кто вы. Откуда. Где база.

Он смотрел на меня. Слёзы. Настоящие. Текли по грязному лицу.

— Я скажу, — прохрипел он. — Всё скажу. Только не...

— Говори.

И он рассказал.

Всё. База — в двух днях пути к северу. Старый завод, бывший военный склад. Сколько людей — двадцать, может, тридцать. Главный — человек по кличке Хмурый. Бывший военный. Жёсткий. У них оружие. У них машины. Они ходят

по всем посёлкам, собирают дань. Кто не платит — сжигают.

Я слушал.

— А мы... — он запнулся. — Мы просто... мы не хотели. Они заставили. Они сказали...

— Что вы сказали им про посёлок?

Он замолчал.

— Что?!

— Что там... что там есть чем поживиться, — выдавил он. — Что люди не готовы. Что можно взять легко.

Я смотрел на него.

— Всё отдам, — забормотал он. — Всё. У меня есть... есть деньги, оружие. Всё отдам. Только отпусти. Пожалуйста. Я уйду. Я исчезну. Тебя не тронут. Я скажу, что...

Я встал.

Он смотрел на меня. С надеждой. С мольбой.

Я вспомнил трупы.

Изуродованные. В ямах. Женщины, дети, старики. Те, кого они продали. Тех, кого нашли в лесу через неделю. Тех, кого не смогли опознать.

Я поднял ружьё.

— Гадом жил, — сказал я. — Гадом умер.

Выстрел.

Я забрал оружие.

АКМ-2 — у одного. Два пистолета — у другого. Сайга — у третьего. Всё сложил в сумку. Проверил. Работает.

Ружьё своё оставил. Оно было лучше. Простое. Надёжное.

Я посмотрел на тела. Четверо. Мёртвые. Не двигаются.

Я не чувствовал ничего. Ни жалости, ни радости. Просто — сделал. Как всегда. Как с планетами. Как с народами.

Только теперь — руками. Своими. Человеческими. В крови.

Я вытер руки о траву. Потом ещё раз. Кровь не смывалась. Въелась в кожу, в ногти.

Ладно.

Я взвалил сумку на плечо. Пошёл обратно.

До посёлка я дошёл к вечеру.

Солнце уже садилось. Небо было серым, потом розовым, потом тёмным. В лесу стало тихо. Птицы замолчали. Только ветер.

Я остановился у частокола. Оружие нельзя было нести в посёлок — там бы спросили, откуда оно. Я оставил его в тайнике. Проверил, что не видно. Потом пошёл к воротам.

Ружьё оставил при себе. Охотничье. Обычное. Никто не спросит.

Стражник — мужик лет сорока, с ружьём — посмотрел

на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.